

Великолепная сохранность материала, и особенно дерева, дала возможность изучить ряд сооружений, неизвестных до сих пор археологии русского феодального периода.

В слоях X—XII вв. обнаружены остатки хорошо сохранившегося водопровода из деревянных труб, деревянный сруб высотой до 3 м., деревянные мостовые и ряд других строительных элементов древнего города.

Исключительная сохранность органических остатков позволила собрать огромное количество предметов, обычно не представленных в археологических коллекциях, — большое количество деревянных резных бытовых изделий, иногда украшенных богатым орнаментом и скульптурой, плетеных корзин, предметов из бересты, остатков кожаной обуви, костяных коньков, игрушек и т. д.

Все это дает возможность представить бытовую сторону древнего Новгорода с исключительной полнотой.

В слоях более поздних вскрыта часть торговой площади с остатками торговых помещений и большим количеством предметов. Среди них было много остатков кожаной обуви, как простой, так и богато украшенной вышивкой. Тут же встречены кожаные ножи с тисненым узором и свинцовая торговая пломба.

Приведенный выше очень краткий материал показывает, что советская археология достигла больших успехов в изучении самых различных периодов истории нашей страны и собираемый ею материал является одним из основных источников для построения истории народов СССР, что является главной задачей ближайшего времени.

Необходимо пожелать, чтобы ценнейший полевой материал был в ближайшее время опубликован и тем самым доведен до советского читателя.

М. Воеводский

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г.

Эпоха гуннского преобладания, как теперь выясняется, явилась наиболее ярким выражением того культурного развития, которое было достигнуто к концу I тысячелетия до н. э. населением Центральной Азии и соседними странами, а в том числе и племенами Саяно-Алтая. Роскошные погребения племенных вождей, исследованные на Алтае (курганы типа Пазырык), первыми подтвердили это. Однако за последнее время аналогичные памятники были обнаружены и в Хакасии. Это прежде всего обширные усыпальницы, исследованные впервые в 1936 г. на могильном поле Чаа-Тас, около ст. Уйбат, Ачинско-Минусинской железнодорожной ветки. Кратко сообщая о первых находках в № I «Вестника древней истории», мы уже отметили важность встреченных тогда древних скульптур, впервые указавших на культурную близость населения Минусинской котловины в Таштыкскую эпоху (около начала нашей эры) к племенам Алтая и Монголии. При обработке собранного материала стало очевидным выдающееся значение Уйбатского Чаа-Таса. Памятники Чаа-Таса были предметом исследования Саяно-Алтайской экспедиции в 1938 г.

Прежде всего были исследованы два земляных кургана, особенности строения и форма насыпей которых не позволяли видеть в них памятники Тагарского времени, аналогичные кургану Клеменца. Это подтвердилось. Они оказались таштыкскими. Особенно важные результаты были получены исследованием первого из них, расположенного рядом с клеменцовским. Его большая камера, как у алтайских и гуннских курганов, оказалась двойной. Внешнее сооружение состояло из вертикальных столбиков, плотным рядом поставленных по стенкам могильной ямы. Внутри стоял обширный сруб из толстых бревен. Между его стенками и внешним рядом столбиков образовался коридор около 1 м шириной. Широкий наклонный вход соединял это сложное сооружение с внешним миром. Некогда его загораживала огромная плита, теперь упавшая.

В других обширных погребальных склепах (их раскопано 6; подквадратные насыпи № 7—11 и № 1 в особой группе II) конструкции совпали с обнаруженными ранее. Огромные 9 м × 9 м клетки из бревен образовывали как бы скелет установленной в обширной яме погребальной камеры. Клетка из бревен снаружи была обставлена плотно прижатыми друг к другу вертикальными столбиками, которые со стороны грунта были тщательно укрыты толстым слоем бересты. Потолок из толстых бревен, по середине поддерживаемый массивной балкой, закрывал погребальный склеп. Он также был тщательно укрыт берестой. Наклонный вход вел с поверхности внутрь усыпальницы (рис. 1). Туда, на деревянный тесаный пол, клали остатки сожженных умерших, тща-

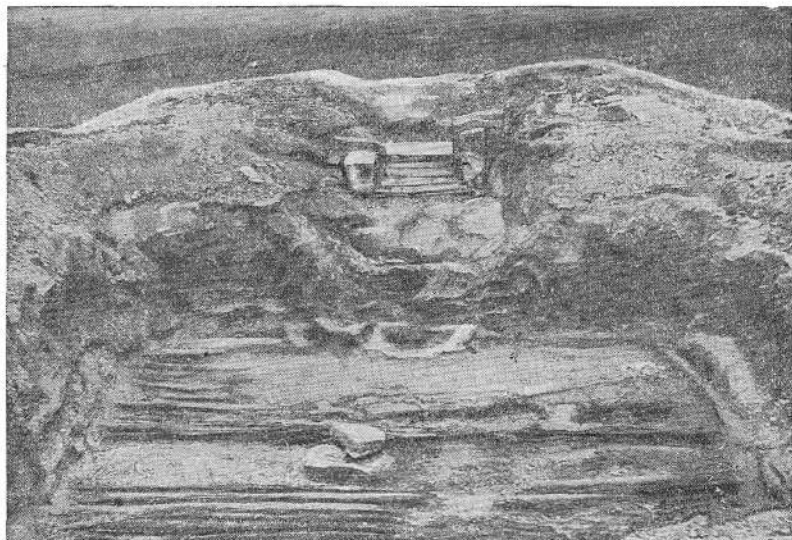

Рис. 1. Каменная лестница в склеп № 7

тельно укладывая их в «гнездышки», свитые из болотных трав. Новостью явилось наличие в № 11 и № 1 (II) полатей вдоль стен. В № 1 (II) они были земляными, а в № 11 — дощатыми. В последнем случае останки покойников лежали и на полатах и под ними. Около «гнездышек» обнаружено огромное количество предметов. Глиняная посуда традиционно-таштыкская: много рюмок, «скифских котлов», кувшинов без ручек.

Маски, обычно сохраняющиеся очень плохо и в сколько-нибудь пригодном для реставрации виде встречающиеся единицами, в 1938 г. были обнаружены в необычно большом количестве. До полусотни из них можно собрать целиком. Среди них есть маски с оулом или же с шеей. Некоторые из них лежали парами — мужская с женской (рис. 2 и 3). На большинстве сохранилась воспроизводящая татуировку лица раскраска — синие, зеленые, красные и темные линии, спирали и другие фигуры. На шее у некоторых масок вылеплены ожерелья из бус. Уши часто проткнуты для серег. В одном склепе (№ 10) был обнаружен цельный костяк человека. На черепе оказалась маска, сохранившая черты лица покойника. Собранная коллекция масок, превосходящая все найденное за прежние годы, несомненно, сделает возможным вполне точное изучение антропологами физического типа минусинского населения за 2000 лет до н. э.

Мы уже давно отмечали, что, несмотря на механичность снятия маски с лица покойника, многочисленные подправки свидетельствуют о художественном чутье мастера,

обладавшего способностью оживить мертвый слепок. Последние раскопки доказали, что таштыкские художники могли не только править полученный механическим путем

Рис. 2. Маска—бюст мужчины

слепок, но и создать высокохудожественные изображения человека. В первом земляном кургане нашлась резная из дерева головка человека. С необычайной силой передано лицо умершего (или спящего) мужчины с монгольскими чертами. Волосы заплетены в двойную короткую косу, уложенную над лбом. Совершенно такие же косы были в свое время найдены в Оглахтинском могильнике. Косы найдены и в склепах Чаа-Таса. Они особенно напоминают косы из Ноин-Улинских погребений гуннских шаньюев. На мужчине надет шлем, оставляющий открытой переднюю часть головы. Рассматривая найденную скульптуру с точки зрения стиля, нельзя не отметить ее близость к серии статуэток, собранных экспедицией С. Ф. Ольденбурга в Синцзяне.

Помимо описанной головки было собрано большое количество фрагментов разных статуэток, главным образом, лошадей, повидимому изображавшихся бегущими, с поднятыми ногами. Особо отмечу прекрасную, совершенно целую плакетку с изображением грифона в своеобразной гуннской трактовке (рис. 4). Не менее близки к гуннским и резные фигурки баранов.

Количество уцелевших деревянных изделий очень велико. Все (они дошли, главным образом, потому, что обуглились). Отмечу главное: прежде всего много посуды—чашек, воронок и ложек огла-

Рис. 3. Женская маска

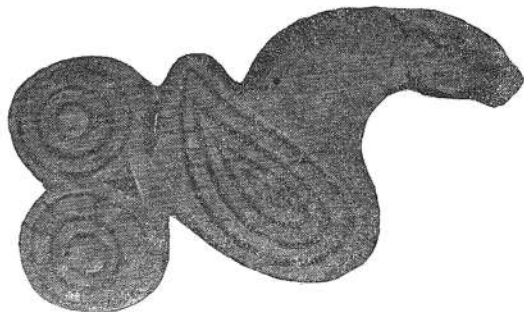

Рис. 4. Грифон. Резьба по дереву

хтинских форм. Есть даже долбленный боченок. Корыто служило вместилищем останков человека. Особенно интересен деревянный ящик, стоявший в № 11. Сверху в нем лежали маски, под ними резная шкатулка, в которой аккуратно завернутыми в

ткань сохранялись фаланги лошади и барана. Здесь же лежал прекрасно орнаментированный предмет в виде юлы и крышка от какого-то сосуда в виде гриба. Ниже были сложены тонкие дощечки, покрытые резьбой, близкие к огластинским идолам.

Совершенно особое место занимают части церемониальных зонтов, сходные с найденными в гуннских могилах. Нам попадались средние, украшенные резьбой втулки с пазами для спиц и большое количество самих спиц. Находки китайских (или сделанных по их образцу) церемониальных зонтов еще раз подтверждают принадлежность раскопанных склепов родовой аристократии древних хягяских общин а также указывают на весьма близкое знакомство с церемониалом степной знати. Из китайских же изделий отмечу обломки лакированного деревянного предмета (может быть, столик) и кусок покрытого алым лаком панцыря. Золото в большом количестве встречалось во всех склепах, главным образом, в виде листовой накладки деревянных изделий. Попрежнему было велико число находок бронзовых пластинок с парными головками животных. Встретились и несколько изящно отлитых из бронзы миниатюрных изображений «скифских котлов».

Особую серию составляют многочисленные игральные астрагалы барана. На многих из них нанесены изображения, например, птиц, счетные точки и кружки, а также тамги, среди которых есть позднее употреблявшиеся в качестве букв орхоно-енисейского алфавита.

Рядовая таштыкская могила, раскопанная на Чаа-Тасе, содержала три костяка и при них вещи, сходные с найденными в гуннских могилах в Дарестуйском култуке на Селенге.

Позднеташтыкские могилы, как и в 1936 г., кроме прекрасной керамики дали отдельные обломки железных скобок. Важной деталью следует считать находку и здесь остатков деревянных блюд огластинского типа, на которых было разложено мясо коровы и овцы.

Значительно количество раскопанных древнехакасских каменных курганов. Ритуал и конструкция их погребальных сооружений являются непосредственным продолжением таштыкских. Те же трупосожжения, положенные в могилы, стенки которых обставлены столбиками. Из находок отмечу кривой кинжал с перекрестием Салтовско-кудыргинского типа, большое китайское стремя с инкрустациями и резную статуэтку барана с золотой головой, совершенно сходную с недавно найденными в курганах VII в. около ст. Капчалы Ачинско-Минусинской железной дороги. Особо отмечу брон-

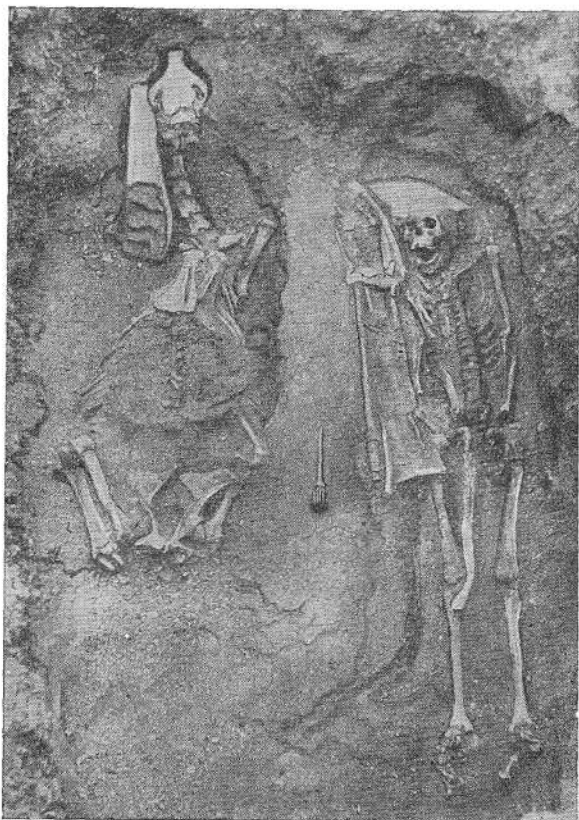

Рис. 5. Кыргызское погребение с конем

зовую пластинку с головкой животного. Это уже третий случай находки подобной пластинки. Все они совершенно совпадают с пластинками в виде парных головок животных, которыми переполнены склепы таштыкской знати. В этих находках мы видим еще одно доказательство преемственности между пышными погребениями таштыкской родовой аристократии и богатыми могилами кыргызов эпохи орхон-енисейского письма.

К несколько более позднему времени, IX—X вв., относятся два погребения с конем под небольшой площадкой из камней. Конь положен в могильной яме, а для человека был устроен подбой. Прекрасно сохранился берестяной колчан со стрелами, украшенный костяными пластинками, покрытыми резьбой. Рядом лежал лук с костяными накладками. На лошади были выяснены остатки седла, оклеенного тисненой берестой (рис. 5):

В 1936 г. в 2 км к юго-востоку от Чаа-Таса было предпринято исследование Карасукского могильника на реке Бее, представлявшего интерес прежде всего наличием над могилами редких в Карасуке курганных насыпей (см. «Сов. Археология», IV). В 1938 г. был раскопан самый большой курган: около 30 м диаметром;

В центре его оказался обширный каменный ящик, дважды служивший для захоронения. В верхней его части были обнаружены остатки впускного тагарского погребения. На дне сохранились остатки скорченного костяка. При нем у локтя бронзовое шило с кусочком ткани и у головы впервые встреченный в могиле бронзовый кельт («арочно-сквозной»), насаженный, как тесло, на глаголевидную рукоятку. Разведывательные раскопки могил, отмеченных на поверхности кругом из камней (расположен за железнодорожной линией, около кирпичного завода), дали несколько новых карасукских погребений, в большинстве сильно разрушенных грабителями.

Раскопки на уйбатском Чаа-Тасе закончены. Ими создано обширное собрание источников по наименее изученному периоду истории Минусинского края в I тысячелетии н. э., когда формировался хакассский народ. Полученные результаты уже сейчас позволяют опровергать обособленность развития Минусинского края, в то же время подкрепляя предположение об автохтонности основных масс хакассского народа. Теперь можно наблюдать таштыкскую родовую аристократию, образование которой явилось необходимой ступенью к сложению государства кыргызов.

С. Киселев

Находка неандертальца в Узбекистане

За два истекших десятилетия советские археологи достигли выдающихся успехов в области наиболее отдаленного прошлого нашей страны. Все более и более сокращаются списки «белых пятен» на карте памятников каменного века необъятной территории СССР.

Предпринятые в 1938 г. по инициативе и на средства Комитета по охране и изучению памятников материальной культуры при СНК Узбекской ССР исследования в южной части Узбекистана доказали, что и здесь имеются следы каменного века, к тому же очень ранние.

Наибольшее и решающее значение имеют сейчас результаты раскопок, произведенных во вновь открытом нами гроте Тешик-Таш, который находится в Байсунском районе Узбекской ССР, около кишлака Мачай, вблизи реки Турган-Дары¹.

¹ Из данного района еще в 1934 г. поступили от директора Термезского (Сухан-Дарьинского) краеведческого музея Г. В. Парфенова сведения о наличии около кишлака Мачай пещеры (грота) «Катта-Курган», в которой (как удалось установить позднее) местные жители издавна находили обработанные человеком кремни для огня. Тов. Парфенов доставил керамику и кремни, часть которых носила следы обработки. В силу сложившихся обстоятельств вместо предполагаемого исследования грота Катта-